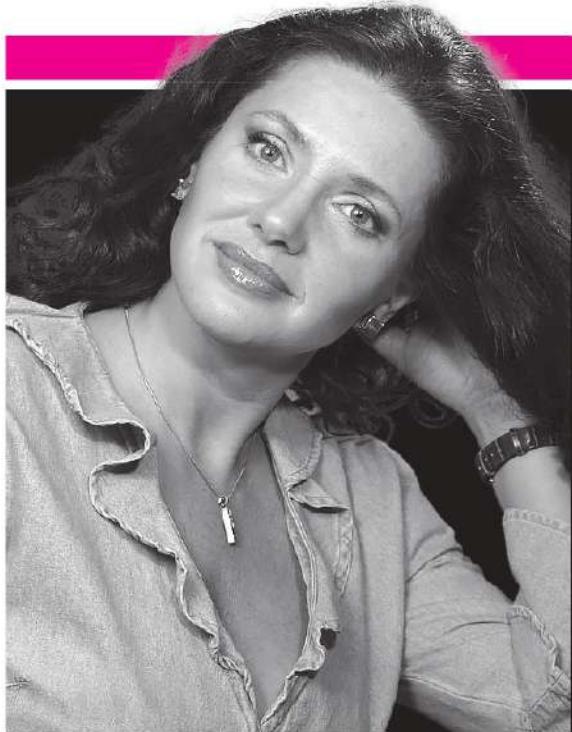

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

ГЛАВНЫЙ СЕКРЕТ ЮЛИИ РУВИНСКОЙ – ТАНЦУЕТ ДОМА ОДНА...

стр. 14-15

Б

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№28 (28)
ДЕКАБРЬ 2020

ШАХМАТЫ
ФАБЕРЖЕ ИЛИ
ГРОССМЕЙСТЕР
ПОНЕВОЛЕ

стр. 10-11

НУ, ПОГОДИ,
АЛЕКСАНДР
ЕФИМОВИЧ...

стр. 6-7

наш
XX
век

стр. 16-17

ЛЕОНИД ОСИПОВИЧ
УТЕСОВ
СПАСИБО, СЕРДЦЕ!
ВОСПОМИНАНИЯ. ВСТРЕЧИ. КИМБАЛЛ

стр. 12-13

ЧАРЛИ
ЧАПЛИН:
ИСТОРИЯ
ОДНОГО
АРТИСТА

НУ, ПОГОДИ, АЛЕКСАНДР ЕФИМОВИЧ...

21 декабря из жизни ушел писатель и сценарист, соавтор мультсериалов «Ну, погоди!», «Возвращение блудного попугая» и «Великолепный Гоша» Александр Курляндский. Причиной смерти 82-летнего писателя стала продолжительная болезнь.

Александр Курляндский родился в 1938 году в Москве. В 1961 году он окончил Московский инженерно-строительный институт имени Куйбышева, но посвятил себя литературе.

Вместе с Аркадием Хайтом писал юмористические рассказы и монологи для известных исполнителей. В 1968 году с Хайтом и Феликсом Камовым начал писать сценарий мультсериала «Ну, погоди!». Автор и соавтор сценариев мультфильмов: «Баба-яга против!», «Великолепный Гоша», «Возвращение блудного попугая», «В зоопарке — ремонт» и др. Автор сценариев для киножурналов «Ерапаш» и «Фитиль». Автор пьес для детей «Шестое чувство», «Под одной крышей», «Тандем» и детских повестей «Вы не были на Таити?», «Чуки-куки» и др. Автор развивающего учебника для начальной школы «Кеша и его друзья в поисках клада».

В 1970-е годы был дважды удостоен премии «Золотой теленок», в 1988 году стал лауреатом Госпремии СССР.

—Курляндский — очень звучная, историческая фамилия. Так и хочется прибавить к ней «герцог». Ваши предки были не голубых кровей?

—Я не из графьев. Дедушка мой — портной, из Перми. Помню, как он шил и приме-

рял на заказчиках костюмы. И запах пары помню, когда он отдавал пиджаки и брюки. Мы жили тогда в маленькой квартире, переделанной отцом из какого-то складского помещения, где потолки были почти над самой головой. По тем, послевоенным, временам это была неслыханная роскошь. У нас всегда было много народа, родственников, знакомых, друзей. Не то что сейчас: квартира больше, а друзей меньше — раздвоилась и обнечка.

Мой отец и мать познакомились в техникуме связи, где учились. Отец долго ухаживал. Первое предложение стать его женой мама отклонила: у нее был жених. Но отец был упорным человеком, и через полгода года состоялась свадьба. Вот так мне пришлось появиться на свет. Папа не упускал случая повеселиться, а мама была безумно красивой и очень серьезной — я, как видите, пошел в папу.

—Как Вы познакомились с Аркадием Хайтом?

—Когда поступил в Московский инженерно-строительный институт, я сразу стал издавать стенгазету, писать сценарии куклы-киносюжетов. Как-то мне сказали: «На первом курсе такой остроумный парень учится! Не хочешь его привлечь?» Говорю: «Давайте его сюда». Приводят — а я уже знаю этого юмориста: он, я еще один первокурсник, вместе дежурили в народной дружине. Так вот, во время дежурства он не молчал ни секунды — травил анекдоты и громко хохотал. Так я познакомился с Аркадием Хайтом, с которым потом долгие годы писал рассказы, сценарии, пьесы и, само собой, сценарий «Ну, погоди!».

—А когда вы решили, что вашей профессии станет не строительство, а юмор?

—Когда получил первый гонорар. Мы с Хайтом сочиняли сценки для театра МГУ «Наш дом». Его руководитель Мария Розовская работал в юмористической радиопрограмме «Веселый спутник» и однажды попросил нас написать что-нибудь веселое для его программы. Безумно смеясь, мы за час написали две миниатюры. Одну отдали Марии, а вторую послали в «Крокодил».

Через две недели позвонил Розовский: «Приезжайте за гонораром». По 30 рублей, кажется. Аркадий тогда учился на последнем курсе, а я работал по распределению мастером и получал 90 рублей в месяц. А тут за час непрерывного хохота заплатили 30! Отец хвастался моими достижениями: «Я всегда остигал бесплатно, а Сашка за это еще и деньги получает!» Так мы потихоньку начали печататься, предвкушая, как отработаем три года по распределению и станем профессиональными литераторами. И тут гром среди ясного неба — меня призывают в армию лейтенантом. Я попал под тайную выборочную мобилизацию людей с высшим образованием.

—И куда вас отправили служить?

—Мы строили всякие секретные объекты и под Москвой, и в брянских лесах. Тогда назревал военный конфликт США с Кубой, и меня даже на Кубу могли отправить, но я в тот момент, как назло, заболел воспале-

Александр Курляндский с супругой

нием легких. А несколько человек из моей части туда летали и потом так весело описывали свое путешествие, что я им ужасно завидовал. Аркадий приезжал ко мне в винную часть по выходным, мы что-то придумывали, творили...

—А что же после армии?

—Вскоре после демобилизации я в компании других друзей познакомился с будущей женой Инессой. Хотя она знала меня еще до нашей первой встречи. В институте, где учил свой немецкий язык, ей было дано задание перевести наш с Хайтом рассказ. Рассказ был напечатан то ли в «Юности», то ли в «Клубе 12 стульев». Судьба, наверное... Помню, чтобы привлечь ее в ресторан, продал замечательную польскую ветровку.

—А ведь планировали зарабатывать литературой из расчета за час смеха 30 рублей!

—Конечно, мы очень быстро поняли, что все будет не так радужно и что нервотреки в этой работе еще больше, чем смеха. Если что-то не пропускали, мы с Хайтом перекивали и жутко ругались с редакторами. Мы были жесткими, злыми и никогда не шли на компромисс.

А замечания могли оказаться самыми идиотскими. Однажды, уже в середине шестидесятых, мы с Аркадием писали сценарий эстрадной программы для Смоленска, но одним прекрасным утром в гостинице возник наш друг Эдуард Успенский. Эдик сказал: «Я получил срочный заказ на кремлевскую елку! Это была первая смешная советская елка! У нас были пираты, роботы, ог-

4

комый мультсериал. Снял их режиссер дебютант Геннадий Сокольский для альманаха «Веселая карусель». Там идея была та же — погоня волка за зайцем, но выглядели героями иначе. А заяц вообще был маленьkim ребенком, которого мама-зайчиха возила в колясочке. На «Союзмультифильме» заподозрили, что история с такой погоней будет иметь успех и о ней можно снять много выпусков, но доверить это новичку, видимо, побоялись. Тогда за дело взялся Вячеслав Котеночкин. Помню, посмотрев первый выпуск, сделанный Котеночкиным, мы с Хайтом и Феликсом Камовым, нашим соавтором, вышли из зала в полном восторга. Нам казалось, что это жуткий провал. Но мы же не могли диктовать свой вкус режиссеру! Ведь в этой части все решает он и художник. Я, когда пишу, могу представлять себе героев одними, а режиссер их сделает какими-то совсем другими. Поэтому всегда страшно первый раз смотреть мультфильмы по своему сценарию.

—Когда вы поняли, что «Ну, погоди!» — это не провал, а совсем наоборот?

—Когда мы написали сценарий третьей серии. В стране быстро началась «нупогодимания», и мы поняли, что на самом деле это идеальное режиссерское попадание. Помню, как в редакции журнала «Юность» мы спорили с Викторией Токаревой. Она утверждала, что «Ну, погоди!» никто не знает, мы же говорили: «Вот спроси у первого встреченного, и он ответит: «Конечно, смотрят!» Чтобы не быть теоретиками, действительно вышли на улицу ловить первого встреченного — и сразу наткнулись на подвыпившего Юза Александровского, выходившего из ресторана Дома кино. Мы не знали его лично, но у нас были общие знакомые. Вика не стала отступать от плана и спросила Юза про «Ну, погоди!». Писатель удивленно взглянул на нее, сказал что-то остроумно-непринятое и ушел. Так что спор никто не выиграл.

Феликс Камов, с которым мы написали сценарий первых семи серий, эмигрировал, и «Ну, погоди!» прикрыли. Но когда Анатолию Папанову вручили в Кремле какую-то награду, Николай Викторович Подгорный спросил

его: «А почему «Ну, погоди!» не выходит? — «Так один автор в Израиль уехал», — ответил Папанов. Подгорный удивился: «Но многие же и остались!» А потом добавил: «Учите, мне этот фильм нравится, моим детям...» И совсем тихо: «И товарищам тоже». Когда Папанов рассказал это на «Союзмультифильме», все поняли, о каких товарищах говорил председатель Президиума Верховного Совета, и мы с Хайтом стали придумывать новые приключения волка и зайца. Нупогодишную популярность мы всегда воспринимали с юмором: «ну есть и есть». Капустники, рассказы, детские пьесы были для нас важнее.

К мультфильмам мы относились скорее как к ремесленной работе. Хотя я понимаю, что не каждый способен придумывать смешные трюки в нужном количестве и качестве.

—С Папановым и с Кларой Румянью, которые озвучивали героев вашего мультфильма, вы были знакомы близко?

—Папанова я видел всего однажды, на записи. Он был очень подвижным, веселым, рассказывал анекдоты — я его представлял куда более тяжелым человеком. А с Румянью мы были знакомы, но не близко. Просто улыбались друг другу, когда пересекались. Как-то я пригласил ее на премьеру одного из выпусков «Ну, погоди!» в Дом кино. И она там вечером подарила цветной телевизор. Это я предложил сделать, но попросил не раскрывать, что инициатива от меня исходила. Кажется, Румянева была рада подарку.

—А с Хазановым, который говорил за Кешу в «Возвращении блудного попугая?

—С Геной мы подружились в 1960-е, он пришел в театр «Наш дом». Мы с Аркадием ему написали пародию на Николая Озерова, комментирующего футбольный матч, а потом вывели на профессиональную орбиту — предложили Леониду Утёсову взять его на должность конферансье. Как сейчас помню просмотр у Утёсова. Мы привели Гену, и он прочитал нашу пародию на Озерова, потому что ничего другого у него не было. Оркестранты хохотали. Утёсов попросил: «Изобрази мне глухого». Хазанов отвернулся, подошел к роялю и переспрашивал: «А?!» Утёсов громче, уже с раздражением повторял: «Я же тебе говорю, изобрази мне глухого!» Хазанов опять: «А?!» Музиканты очень смеялись. И когда мы с Валентином Караваевым делали «Возвращение блудного

попугая», я предложил Гене его озвучить. И ужасно этому рад. Хазанов его озвучил просто блестяще, добавил краски, которых без него не было бы. Если хотите, расскажу, как этот фильм появился.

—Хочу, конечно!

—Было начало 1980-х, мы с Аркадием уже работали по отдельности. И ко мне на «Союзмультифильме» подошел режиссер Валентин Караваев, с которым мы были шалочно знакомы. Валя говорит: «Я хотел бы с вами поговорить, может быть, мы что-нибудь придумаем». Поплыть чай (или кофе), и Караваев сказал, что он в запуске. Тогда на «Союзмультифильме» у каждого режиссера был запуск — заранее определенное время, когда он может снять свой фильм. У одного запуск в феврале, у другого в июне и так далее. Не получилось снять в нужное время — ну извини, год жди следующего запуска. И тогда Валя предложил: «Давай сделаем с тобой какой-нибудь детский фильм. Знаешь, я как-то видел на улице в стае воробьев попугайчика. Наверное, выпел из форточки и не смог вернуться назад. Может, про заблудившегося попугая?» Мы стали крутить, вертеть историю, и не было ощущения, что это стоящая идея. Ну, он выпел из окошка, сел на дерево — и что? И тут меня осенило, я запел: «Родительский дом, начало начал...» В этот момент стало ясно, что сценарий написается.

Одних мультипликаторских режиссеров, отдав сценарий, просишь: «Покажи хоть что-нибудь!» — «Знаешь, нечего показывать, еще лишь самое начало». Звонишь с той же просьбой через месяц или через два, а он отвечает: «Так уже всё сделано — какой смысл тебе сейчас смотреть? Подожди до премьеры». Валя был из другой категории: он хотел обсуждать со мной эскизы, звал смотреть все этапы работы. Когда увидел, как попугайчик двигается и какой у него характер, понял, что фильм получится отличный. А потом я написал про Кешу свою первую книгу. До нее

недышащий Змей Горыныч. Когда мы прочитали сценарий членам ВЦСПС (Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов), они нам выдали три листа замечаний — то не так, это не этак... И седьмым или одиннадцатым пунктом шло: «Дети любят шутку, смех». Что они хотели этим сказать? Мы же как раз и сделали смешную историю. Но елка в итоге все равно получилась.

—«Ну, погоди!» был вашим дебютом в мультипликации?

—Да, только самые первые мультики про волка и зайца не были похожи на всем зна-

только сценарии были разные — мультифильмов, для «Ералаша», для «Фитиля», а тут мне позвонил гендиректор издательства «Самовар» Саша Шевченко — нас когда-то познакомил Успенский. Саша предложил: «Давайте вы нам что-нибудь напишите». Я немножко подумал сценарий «Вы не были на Таити?» и принес им. И они меня так разнесли! Саша и их литературный редактор сказали, что это никакая не литература, что нельзя просто взять сценарий и назвать его повестью. Я ушел совершенно побитый и стал думать: «Что, плонуть мне на них? Работы у меня хватает, как-нибудь проживу!» Но самолюбие взягло, и я придумал историю про то, как Кеша родился на каком-то острове, как он оказался в городе и его привезли к больному Вовке. Совсем иначе ее написал, ведь в книгах не такой подход к слову, как в сценарии. Приносила работу в издательство, там обрадовались: «Это другое дело!» Так я стал детскими писателями-бумагомаралем. Вторую книжку написал про кота Василия, назвал ее «А нас и здесь неплохо кормят!» и посыпал любому кому Сюзику. Третью — «Прелестная!» — про Ворону.

—Многие считают вас детским автором...

—Напрасно. У меня есть и повести, и пьесы. Например, «Алмазная история» — про человека, нашедшего в своем организме алмаз. Или «Водочный фонтан в Тюмени» — как в Тюмени забил водочный источник и что из этого вышло.

—Значит, и такое вы пишете?

—Да. Конечно, это юмористические произведения. Серьезное — не мое. Не мое совершенство. Ирония, юмор, сатира — вот мой жанр. И когда получается, говорю себе: «Ай да Сашка, ай да молодец!»